

Осокина Екатерина Юрьевна

учитель

Алексеева Оксана Юрьевна

учитель

МАОУ «СОШ №65»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЛИТЕРАТУРЫ YOUNG ADULT: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ

***Аннотация:** в статье рассматривается вопрос о жанровом своеобразии литературы для детей и литературы Young Adult. Отмечается, что обе эти категории адресованы несовершеннолетним читателям, между ними существует глубокое структурное, тематическое и стилистическое различие, которое превращает их в два самостоятельных феномена, а не просто в возрастные этапы одной лестницы.*

***Ключевые слова:** жанровое своеобразие, литература для детей, литература Young Adult.*

Жанровое своеобразие литературы для детей и литературы Young Adult (юный взрослый) представляет собой сложную и динамичную систему, которая находится на пересечении педагогики, психологии развития и собственно эстетических задач. Хотя на поверхностном уровне обе эти категории адресованы несовершеннолетним читателям, между ними существует глубокое структурное, тематическое и стилистическое различие, которое превращает их в два самостоятельных феномена, а не просто в возрастные этапы одной лестницы.

Литература для детей, традиционно охватывающая аудиторию от трёх до двенадцати лет, в своей основе несет дидактическую функцию, часто замаскированную под игровую форму. Её жанровое своеобразие строится вокруг принципа «безопасного мира». Здесь доминируют сказка, рассказ о животных, приключенческая повесть с обязательным хэппи-эндом и стихотворные формы. Фэнтези для младших, как у Туве Янссон или Астрид Линдгрен, существенно отличается от

взрослого эпоса: конфликт здесь носит локальный характер, угроза осязаема и конкретна (например, похищение вещи или ссора с другом), но никогда не касается экзистенциального краха мироздания.

Хронотоп детской литературы часто цикличен: действие разворачивается в рамках учебного года, каникул или одного дня, что создает ощущение предсказуемости. Даже новаторские произведения, такие как «Чарли и шоколадная фабрика» Роальда Даля, сохраняют моральный стержень: наказание неизбежно следует за пороком, а доброта вознаграждается материально и эмоционально. Важнейшей чертой является принцип «понятного зла»: антагонист всегда узнаваем (ведьма, строгая учительница, волк), его мотивы либо примитивны, либо вовсе не требуют рефлексии. Ребёнок в такой литературе – наблюдатель или участник, но его психика защищена от долгого пребывания в состоянии неопределенности и трагической двусмысленности.

А.В. Березина [1], А.В. Бочарова [1] отмечают, что литература Young Adult, рассчитанная на подростков от двенадцати до девятнадцати лет, напротив, жанрово формируется вокруг идеи инициации и кризиса идентичности. Здесь жанровое своеобразие проявляется через гибридность и смешение «взрослых» форм с юношеской оптикой. YA-роман может быть антиутопией, как «Голодные игры», психологической драмой, как «Виноваты звёзды», хоррором или магическим реализмом, но неизменным остаётся взгляд изнутри переходного возраста. Мир здесь перестаёт быть бинарным («хорошо-плохо») и становится спектральным: герой сталкивается с предательством близких, несправедливостью системных институтов (государства, школы, семьи) и невозможностью полностью победить зло.

В отличие от детской литературы, где вершителем справедливости часто выступает внешняя сила (родитель, волшебник), в YA герой вынужден брать на себя моральную ответственность за выбор, и этот выбор может быть ошибочным без немедленного исправления сюжетом. Характерная черта жанрового своеобразие – отсутствие обязательного хэппи-энда; финал может быть открытым, меланхоличным или даже трагическим, что имитирует непредсказуемость взросления.

Кроме того, YA открыто работает с травмой и телесностью – менструацией, сексуальным опытом, психическими расстройствами, насилием, – что в классической детской литературе традиционно оставалось за скобкой или подавалось эзоповым языком.

Особого внимания заслуживает феномен crossover-литературы (например, «Гарри Поттер» или «Тёмные начала»), который стирает границы между этими двумя системами. Первые книги серии о Гарри Поттере функционируют как детская литература: четкое деление на факультеты как на добро и зло, простая мораль дружбы, локальная школьная угроза. Однако финальные тома демонстрируют YA-эстетику: смерть ключевых персонажей, моральные компромиссы взрослых, тему эвтаназии и политического заговора. Это показывает, что жанровое своеобразие определяется не столько маркировкой издателя, сколько мерой включенности читателя в экзистенциальные вопросы.

В «чистой» детской литературе смерть, если и появляется (например, мама Бэмби или Айболит), всегда ритуализирована и дана как факт, а не как процесс переживания. В YA смерть может быть внезапной, нелепой, неискупленной, что заставляет героя пересматривать свои ценности – как Сидни Картон в современной интерпретации или как Финник в «Сойке-пересмешнице».

Языковые и стилистические средства также разнятся. Детская литература тяготеет к лексическому разнообразию, но синтаксической простоте, использует звукоподражание, повторы и эпитеты, понятные конкретному возрасту. YA, напротив, часто имитирует современную разговорную речь подростков – с сарказмом, сокращениями, сленгом и даже обценной лексикой в литературе нового времени (например, у Джона Грина). Это создаёт эффект «своего круга», отделяя юного читателя от мира взрослых через язык.

Хронотоп YA гораздо более динамичен и глобален: действие может охватывать постапокалиптическую пустошь, дворцы власти или путешествия между звёздами, но при этом психологическое время замедлено до предела – одна сцена внутреннего монолога может длиться несколько страниц, что отражает свойственное юности состояние рефлексии и когнитивного диссонанса.

Таким образом, жанровое своеобразие литературы для детей строится на эскапизме с обучающим эффектом, где мир непоколебим и справедлив, а жанровое своеобразие YA – на иммерсивном погружении в хаос взросления, где справедливость приходится выгрызать зубами, часто безуспешно. Первая дарит уютный катарсис через возвращение домой («и я там был, мёд-пиво пил»), вторая – горький катарсис через потерю иллюзий («теперь я знаю, что спасать приходится себя самого»). Именно это различие в ожидаемом читательском опыте определяет, будет ли книга стоять на полке между «Винни-Пухом» и «Пеппи Длинныйчулок» или между «Голодными играми» и «Бумажными городами».

Проблемы восприятия литературы для детей и Young Adult (YA) коренятся в фундаментальном разрыве между ожиданиями взрослых посредников (родителей, учителей, критиков, библиотекарей) и реальными когнитивными, эмоциональными потребностями юных читателей. В случае детской книги основная сложность связана с феноменом «двойного адресата»: произведение создается взрослым, часто покупается и одобряется взрослым, но проживается ребенком. Отсюда возникает хронический конфликт между тем, что взрослые считают полезным и правильным, и тем, что дети способны переварить эстетически и психологически.

Родители нередко требуют от детской литературы явной дидактики и «светлого без травм», в то время как ребенок нуждается в символическом проигрывании страхов, ревности, чувства беспомощности. Из-за этого многие детские книги воспринимаются взрослыми как слишком наивные или, напротив, излишне жестокие, тогда как дети вычитывают в них свои, неочевидные для старших смыслы. Классический пример – «Винни-Пух», где взрослые видят милую бессмыслицу, а ребенок – строгую логику мира с четкими правилами игры.

Еще одна проблема восприятия: возрастная редукция, когда вся детская литература сводится к сказкам и рассказам о животных, игнорируя такие сложные жанры, как детская детективная проза, философская сказка или документальная книга. В результате дети, перерастающие упрощенные тексты, не получают своевременного моста к более сложной литературе.

В литературе Young Adult проблемы восприятия иные и во многом противоположные. YA часто страдает от стигматизации как «неполноценная» или «промежуточная» проза. Взрослые критики нередко отказывают YA в художественной ценности, видя в ней лишь штампы антиутопий, любовные треугольники и избыточную рефлексия. Это порождает феномен «стыдливости чтения»: многие подростки и даже взрослые (YA активно читают люди за 20–30 лет) скрывают свое увлечение, опасаясь обвинений в инфантильности.

С другой стороны, сами подростки часто отвергают YA, если те слишком явно морализируют – для этого возраста характерно «чутье на фальшь», и любая попытка навязать однозначную оценку воспринимается как манипуляция. Парадоксально, но именно YA, нацеленная на эмпатию и самоидентификацию, нередко сталкивается с проблемой неверного прочтения: читатель проецирует на героя свои травмы или желания настолько сильно, что начинает либо требовать от книги терапевтического эффекта, либо обвинять ее в «токсичности», если проекция не совпала. Например, романы о депрессии или насилии иногда воспринимаются как глорификация страдания, хотя автор преследовал обратную цель.

Список литературы

1. Березина А.В. Young adult как направление художественной литературы для старшеклассников / А.В. Березина, А.В. Бочарова // Культура: теория и практика. – 2022. – №6 (51). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/young-adult-kak-napravlenie-hudozhestvennoy-literatury-dlya-starsheklassnikov> (дата обращения: 12.06.2026).